

Н. С. ТАТИЩЕВ,
*аспирант, Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Минск, Беларусь
E-mail: nik.tatil@gmail.com*

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДИРЕКТИВЫ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
№ 12 «О РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВ ИДЕОЛОГИИ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА»
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Представлен анализ отдельных положений Директивы Президента Республики Беларусь № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» через призму тенденций развития глобализации. Выявлена недостаточность в понятийном аппарате и терминологии относительно адаптационных механизмов в условиях конфронтации глобальной и локальной идентичностей. В связи с этим предложен и обоснован термин «замещенная глобализация» и его определение.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, идентичность, цифровой контент, санкции

N. TATISHCHEV,
*Postgraduate Student, Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: nik.tatil@gmail.com*

**ON CERTAIN ASPECTS OF DIRECTIVE No. 12 OF THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF BELARUS “ON THE IMPLEMENTATION
OF THE FUNDAMENTALS OF THE IDEOLOGY
OF THE BELARUSIAN STATE” IN THE CONTEXT
OF GLOBAL TRANSFORMATION**

The analysis of certain provisions of Directive no. 12 of the President of the Republic of Belarus “On the Implementation of the Fundamentals of the Ideology of the Belarusian State” through the prism of globalization trends is presented. It identifies shortcomings in the conceptual apparatus and terminology regarding adaptation mechanisms in the context of the confrontation between global and local identities. In this regard, the term “substituted globalization” and its definition are proposed and justified.

Keywords: globalisation, glocalisation, identity, digital content, sanctions

Директива Президента Республики Беларусь «О реализации основ идеологии белорусского государства» от 9 апреля 2025 г. № 12 (далее – Директива) [1] является документом, призванным обобщить и систематизировать накопленный опыт страны в отношении идеологии, а также укрепления коммуникации власти и общества.

Исходя из текста документа представляется, что на его положения оказали влияние как внутривнутриреспубликанские события, так и ряд политических и общественных процессов мирового значения.

В частности, отдельный абзац Директивы устанавливает одно из направлений идеологической работы как «упрочнение национально-государственной идентичности, сохранение самобытности и обеспечение преемственного развития» [1, п. 2.3]. Поэтому положения Директивы относительно развития национально-государственной идентичности как смыслового каркаса страны можно рассматривать через призму нелинейного процесса трансформации глобализации в качестве ключевого внешнего фактора влияния на государственную идентичность. В силу геополитического положения страны, а также Союзного государства данный процесс несет особую актуальность.

Глобализация представляет собой процесс усиления взаимозависимости между странами, регионами и культурами, напрямую затрагивая экономику, информационные технологии, политику и культуру. В научной литературе в зависимости от точки зрения исследователя глобализация может восприниматься в качестве прогрессивного движения [2] либо в качестве проявления неравномерного усиления зависимости [3] от глобальных игроков-гегемонов. Подобный дуализм создает основу для различных подходов к анализу влияния глобализации на национальную идентичность и порождает необходимость в уточнении понятийного аппарата.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов глобализации является проблематизация устойчивости традиционных идентичностей, в том числе через навязывание стандартизированных подходов к медиаполлю, а также через унификацию культурных норм и жизненного уклада посредством всеобщей информатизации. К примеру, глобальные медиаплатформы, такие как YouTube или Netflix, формируют универсальные культурные нарративы, зачастую вытесняя локальные традиции, выраженные в местном контенте.

Данный процесс порождает культурные конфликты, где универалистская идеология глобального мира сталкивается с местными традициями. Параллельно данному процессу интеллектуальные и информационные ресурсы глобализации формируют гибридные и сетевые идентичности, а также субкультуры, которые не существуют вне инфополя, служащего для них дискурсивной базой.

В связи с этим российские исследователи выделяют три сценарных подхода в отношении проблематики, связанной с последствиями глобализации в гуманитарной сфере и перспективами развития национальных культур.

К *первому сценарию* относится гомогенизация мира под покровительством западной (в особенности американской) массовой культуры. В рамках данного сценария можно выделить два определения, характеризующие различные варианты слияния глобальной и локальной идентичностей исходя из субъекта реализации.

Первое определение – «глобализация снизу», которая понимается как процесс глобального взаимодействия, иницируемый и поддерживаемый не государствами, корпорациями или международными институтами, а местными сообществами, активистами и неправительственными организациями. Данное определение формировалось в контексте социальных и академических дискуссий о глобализации, в том числе для описания глобальных культурных потоков [4]. Следует отметить, что данный подход не учитывает многократно доказанные факты сотрудничества активистов и неправительственных организаций с глобальными игроками, что отчетливо проявилось в прецедентах, подобных недавнему закрытию американских программ внешней помощи и развития (таких как USAID).

Второе определение – «глобализация сверху» – ассоциируется с экономической интеграцией, транснациональными корпорациями и политическими элитами и фокусируется на культурном обмене, социальных движениях и инициативах, направленных на решение глобальных проблем на локальном уровне, являясь по сути синонимичным понятию «глобализация» как таковому.

Два других сценария последствий глобализации предполагают интеграцию локальных идентичностей в глобальное пространство. В частности, *второй сценарий* предполагает развитие культурных гибридов из локальной и глобальной идентичностей [5], своего рода мутацию; *третий сценарий* – сохранение и развитие культурных различий, что делает его наиболее «щадящим» к изначальной локальной идентичности. Представляется, что в последнем случае локальная идентичность выступает в статусе своего рода музейной, застывшей экспозиции, утратившей импульс к развитию.

Ко второму и третьему сценариям представляется возможным отнести следующие определения.

«Культурная гибридизация», будучи по своей сути процессом смешения, взаимопроникновения и реинтерпретации различных культурных форм, порождающим новые синкретические формы идентичности, символических практик и социальных ритуалов, является важным аспектом культурной глобализации, при котором глобальные и локальные элементы не просто взаимодействуют, но трансформируют друг друга в ходе межкультурного обмена. Концепт гибридизации отличается от унификации или ассимиляции тем, что не предполагает доминирования одной культуры над другой, а указывает на двустороннюю, диалектическую природу культурных взаимодействий [6].

«Космополитическая локальность» – концепт, описывающий локальные сообщества или культурные формы, которые, сохраняя привязанность к местному контексту, открыты к взаимодействию с другими культурами и включены в глобальное инфополе. Представляется возможным провести определенные параллели с понятием «многополярность». Космополитическая локаль-

ность не противопоставляет себя глобализации, а стремится использовать ее ресурсы для развития локальной самобытности. Данный термин особенно актуален в отношении «глобальных городов», таких как Стамбул, Сеул или Барселона, где наблюдается высокая степень культурной интеграции при сохранении локальных идентичностей.

Космополитическая локальность выражается в культурной политике, архитектуре, образовательных инициативах, сочетании элементов традиционного и современного, местного и глобального. У. Бек рассматривал данное явление как компонент «рефлексивной модернизации», при которой локальность перестает быть замкнутым пространством, превращаясь в точку пересечения глобальных смыслов [7]. Такая форма локальности ориентирована на включенность и солидарность, не теряя при этом культурной специфики.

Таким образом, идеология глобального мира, основанная на универсализме, в большинстве сценариев вступает в противоречие с локальными традициями, что порождает почву для культурных конфликтов. При этом конфликты зачастую носят мировоззренческий характер и перетекают в политическую плоскость.

Политизация вопросов идентичности становится ответом на символическое вторжение в область внутренней культуры. Вместе с тем торгово-экономический аспект глобализации также оказывает прямое влияние на культуру посредством навязывания тех или иных нарративов через индустрию развлечений и контент, тоже являющийся товаром.

Примером такого противостояния отчасти служит феномен британского «Брексита», который стал символом сопротивления глобализационным процессам в пользу суверенитета. Аналогичные тенденции наблюдаются в антиглобалистских протестах в Латинской Америке и Европе, где локальные сообщества выступают против экономического и культурного доминирования со стороны глобальных игроков.

В связи с этим все чаще внимание исследователей сосредоточено на противоположном глобализации процессе – локализации идентичности. Локализация стремится сохранить уникальность местных культур и форм общественного устройства, а также защитить их от культурного и экономического доминирования. Тем самым она создает пространство для культурной самобытности и сопротивления стандартизации. Как проявление своего рода «культурной реакции» на глобализацию также можно назвать возрождение традиционных культур, локальных языков и экономик. Политика импортозамещения, защита локального производителя, развитие локальных информационных платформ (выступающих альтернативой глобальным цифровым гигантам) тоже служат примерами институциональной локализации.

На данном пересечении глобализации и локализации формируется феномен глокализации – адаптации глобальных практик к местным условиям.

Данное понятие, предложенное Р. Робертсоном, определяется как «процесс одновременного функционирования глобального и локального» [8]. При этом глокализация включает в себя такое явление, как селективная глокализация, или выборочное присвоение явлений глобализации [9].

Селективная глокализация понимается как стратегический подход, при котором локальные сообщества или государства сознательно отбирают и адаптируют те глобальные элементы, которые соответствуют их культурным, политическим или экономическим интересам, одновременно блокируя или модифицируя чуждые модели. В итоге возникает форма культурного и институционального фильтра, где глобальное используется не механически, а избирательно – через призму национальных приоритетов. Таким образом, речь идет не просто об адаптации, а о переработке глобального контента с учетом локальных потребностей. Данное явление становится инструментом суверенизации глобального, позволяя странам снизить культурную уязвимость и усилить собственную идентичность средствами, предоставляемыми глобализацией. В рамках политической теории этот процесс рассматривается как «мягкий суверенитет» или «гибридная модернизация» [7].

В подобной трактовке глобальное и локальное не противопоставляются, а взаимодополняют друг друга. Соответственно, глокализация опирается на концепцию взаимозависимости глобального и локального, где ни один из этих уровней не доминирует, а их взаимодействие порождает новые формы идентичности и культурной практики. Например, глобальные цифровые платформы, такие как YouTube или TikTok, помимо продвижения глобальных нарративов и предоставления универсальных инструментов для создания контента опираются в конкретных странах на локальные языки, традиции и социальные нормы, что приводит к появлению уникальных культурных продуктов, которые тем не менее регулируются глобальными акторами (в случае с цифровыми продуктами – непосредственно корпорациями). Соответственно, данный процесс можно рассматривать как форму культурного компромисса, позволяющего сообществам частично сохранять свою идентичность в условиях глобального давления и контроля.

Вне цифрового контента к примерам глокализации можно отнести адаптацию продукции мировых сетей быстрого питания к местной кухне (к примеру, в Индии, где в меню отсутствует говядина) или стандартизированной политической риторики (так называемых «методичек») под особенности местного восприятия.

В политическом процессе внутренний интерес к своей культуре, а также «пробуждение локальной идентичности» не является сепарированным от глобализации трендом. Более того, данный интерес масс к своей локальной идентичности зачастую встроен в рамки глобального политического процесса в качестве политтехнологического инструмента, призванного оказывать влия-

ние извне на внутривнутриполитическое поле соответствующей страны, аналогично понятию «глобализация снизу».

Представляется, что заложенные в Директиве положения относительно организации информационной и социально-культурной деятельности в полной мере учитывают исследованный нами аспект работы с идентичностью через положение об ориентированности на конкретные социальные группы в проведении государственной информационной политики.

Однако представляется необходимым разграничить глокализацию как адаптацию акторов глобальных процессов к местному политическому и социокультурному ландшафту и как противостояние локальных акторов глобальным трендам в сфере глобализации. В первом случае имеет место компромиссный процесс управляемого вхождения транснационального капитала в местную экономическую и культурную локальную среду, во втором – происходит утрата транснациональным капиталом соответствующих рычагов воздействия на локальную среду и замещение его местным капиталом, который при этом активно пользуется наработками и опытом глобальных игроков.

Санкционное воздействие и необходимость импортозамещения вынуждают применять наработанные в досанкционный период стратегии взаимодействия с обществом в сфере торговли, обмена информацией и культуры. Санкции и иные формы давления, ограничивая доступ к глобальным брендам, технологиям и рынкам, стимулируют развитие локальных альтернатив. Например, в России после ухода западных компаний появились локальные бренды одежды, техники, продовольствия, а в Китае стали развиваться национальные социальные сети.

Тем самым для торгово-экономических, а также культурных отношений, в том числе в рамках производства цифрового контента, сохраняются методология и передовой опыт в сфере работы с населением, привнесенные транснациональными акторами в рамках предыдущего, досанкционного, этапа отношений с соответствующим регионом.

Данный процесс несет в себе качественные отличия относительно рассмотренных проявлений глобализации в современном мире и в связи с этим нуждается в уточнении понятийного аппарата. Представляется целесообразным предложить следующий термин и его определение: *замещенная глобализация – это сохранение и применение влияющих на локальную идентичность технологий и методов изготовления и распространения услуг, товаров и контента, привнесенных в соответствующую локальную среду в рамках досанкционного периода глобализации.*

Представляется, что указанное в Директиве обеспечение организации идеологической работы через распространение информации в средствах массовой информации и сети Интернет, а также через социально-культурную деятельность предполагает использование методологических, агитационных,

организационных и иных наработок, ранее отрефлексированных как инструменты информационной глобализации. В рамках ведущейся работы по снижению недружественного иностранного влияния на инфополе страны закономерно снижается доля контента, доставляемого до конечного пользователя данными инструментами. Однако в условиях замещения глобальных нарративов прогосударственными инструментами информационной глобализации могут сыграть положительную роль в обновлении инфополя страны.

Для Беларуси данное разграничение инструментов и нарративов, доставляемых с их помощью до пользователей, видится особенно актуальным в свете выхода Директивы и необходимости ее гибкого применения в информационной, воспитательной и социально-культурной деятельности.

Список использованных источников

1. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12 // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-12-ot-9-aprela-2025-g> (дата обращения: 09.06.2025).

2. Гидденс, Э. Последствия модерности / Э. Гидденс. – М. : Праксис, 2004. – 120 с.

3. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества : пер. с англ. / З. Бауман. – М. : Весь Мир, 2004. – 188 с.

4. Appadurai, A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization / A. Appadurai. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996. – 248 p.

5. Чичева, С. Е. Формы адаптации культуры в условиях глобализации / С. Е. Чичева, Е. Ф. Молевич // Вестник Самарского государственного университета. – 2010. – № 1 (75). – С. 76–82.

6. Томлинсон, Дж. Культурная глобализация : пер. с англ. / Дж. Томлинсон. – М. : Логос, 2004. – 280 с.

7. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализм : пер. с нем. / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 240 с.

8. Robertson, R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity / R. Robertson // Global Modernities / eds.: M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – London : Sage, 1995. – P. 25–44.

9. Roudometof, V. Glocalization: A Critical Introduction / V. Roudometof // ResearchGate. – 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication/303734497_Glocalization_A_Critical_Introduction (date of access: 10.06.2025).

Поступила 15.06.2025 г.